

РАЗДЕЛ I. ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923.2

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-4-6-14

КРОСС-КУЛЬТУРНОЕ СОПОСТАВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТНЫХ И КОГНИТИВНЫХ СТРУКТУР ПРИ РЕШЕНИИ ТВОРЧЕСКОЙ ЗАДАЧИ

Зиренко М.С.¹, Исмаилова А.М.²

¹ Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

119991, г. Москва, ул. Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

² Филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Баку

AZ1143, г. Баку, ул. Фирудина Агаева, д. 14, Азербайджанская Республика

Аннотация. В статье представлены результаты кросс-культурного исследования когнитивной и личностной регуляции решения творческой задачи студентами из Азербайджана и России. Студенты решали творческую задачу и заполняли два опросника – «Толерантность к неопределенности» С. Баднера и «Опросник имплицитных теорий и целей обучения» К. Двек. Настойчивость в решении задачи в азербайджанской выборке связана с константными имплицитными теориями интеллекта и личности; в российской выборке настойчивость связана с высокими самооценками успешности в обучении. При разрешении творческой задачи азербайджанские студенты ориентируются на шкалы «честности – нечестности», а российские – на поиск решения за пределами ситуации, что демонстрирует различия в диапазоне представлений о возможных направлениях разрешения ситуации неопределенности в двух культурных группах.

Ключевые слова: имплицитные теории интеллекта, имплицитные теории личности, толерантность к неопределенности, решение творческой задачи, кросс-культурные различия, Россия, Азербайджан.

CROSS-CULTURAL COMPARISON OF PERSONALITY AND COGNITIVE STRUCTURES IN CREATIVE PROBLAM SOLVING

M. Zirenko¹, A. Ismailova²

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

1, Leninskiye Gory, Moscow, 119991, the Russian Federation

² Baku Branch of Lomonosov Moscow State University

14, Firudin Agayev str., Baku, AZ 1143, Azerbaijan

Abstract. The article presents cross-cultural study of cognitive and personality regulation of creative problem solving. Fifty-four students from Azerbaijan and Russia worked on a creative problem and completed Budner's Tolerance for Ambiguity Scale (adapted by Kornilova-Chumakova) and Implicit Theories and Leaning Goals Questionnaire (adapted by Kornilova-Smirnov). Persistence in creative problem solving in Azerbaijan sample is related to fixed implicit theories of intelligence and personality; in Russian sample persistence is related to high self-assessed level of academic achievement. In creative problem solving the Azerbaijan students are more oriented on "honesty-dishonesty" criterion, while the Russian students are oriented on searching "beyond the limits" of the formulated problem. This demonstrates the differences in a range of possible directions in dealing with situation of uncertainty in two cultural groups.

Key words: implicit theories of intelligence, implicit theories of personality, tolerance for uncertainty, creative problem solving, cross-cultural differences, Russia, Azerbaijan.

Регуляция творческого мышления

Решение творческой задачи, заключающееся в формулировании условий и требований, прогнозировании неизвестного искомого результата, выборе средств его достижения, осуществляется на разных уровнях саморегуляции через взаимодействие компонентов когнитивной сферы, интеллекта и личностных свойств, как стабильных, так и динамических, выражают включенность человека в ситуацию решения задачи [3]. Функционирование интеллектуальных и личностных компонентов в единых «динамических регулятивных системах» развивает идею Л.С. Выготского о единстве аффекта и интеллекта, а также идеи отечественной школы психологии мышления О.К. Тихомирова о смысловой регуляции мышления [3]. Анализ регуляции мышления осуществляется путем выделения единиц, представляющих интеллектуальные и личностные процессы в единстве. Кросс-культурное исследование включает контекстную переменную культуры в качестве еще одного из аспектов регуляции мыслительной деятельности, как части сознания и самосознания людей, в отношении собственной творческой активности [7].

Поскольку творческая задача формируется как ситуация неопределенности, незданности критериев решения, особенно значимыми становятся личностные характеристики, связанные со взаимодействием человека с неопределенностью и новизной, а именно: толерантность к неопределенности (ТН) и имплицитные теории (ИТ). ИТ и ТН следует понимать как диспозиционные факторы личностной регуляции, действующие через звено целеобразования. ТН включает в себя субъективную неуверенность и приятие неизвестного, выступает условием регуляции когнитивных стратегий решения, а интолерантность к неопределенности (ИТН) в большей степени связана с личностной регуляцией [5]. ИТ базируются на таситном знании [9], понимаются как стихийно складывающиеся житейские теории [11] и в большей степени актуализируются в ситуациях субъективной неопределенности, компенсируя отсутствие соответствующих ситуации знаний, выполняют связующую роль между самосознанием и бытийными слоями сознания [4]. Роль ИТ в регуляции процесса решения задач показала К. Двек [1]. При неудаче, препятствии

люди с константной ИТ склонны рассматривать себя как некомпетентных, избегать сложных заданий и неохотно прикладывать усилия. Люди с ИТ приращения, напротив, считают, что способности могут быть изменены под влиянием усилий, ориентированы на цели повышения мастерства в выполнении сложных задач. Однако связь ИТ с целевыми ориентациями непрямая, опосредованная медиаторами (см. мета-анализ) [10].

ИТ приращения в большей степени распространены в культурах Восточной Азии, чем в Западных культурах, поскольку в восточно-азиатских обществах делается больший акцент на роли усилий для большего числа ситуаций, чем в культурах Запада [16]. Японские студенты прилагают больше усилий после неудач, американские – после успехов [13], а для чилийских студентов настойчивость в решении не зависит от характера обратной связи [12]. 74 % индийских студентов верят, что любой может стать высоко интеллектуальным, а 66 % американских студентов – что лишь некоторые обладают таким потенциалом [17]. У российских студентов ИТ приращаемого интеллекта положительно связана с осознанной саморегуляцией, принятие целей обучения связано с гибкостью контроля [4].

ИТ интеллекта и личности взаимодействуют с отношением человека к неопределенности [15] и его творческими возможностями [3]. Креативность и самооценку креативности связывают с проявлениями личностной ТН у студентов, преподавателей и профессионально состоявшихся творцов [6; 8].

Кросс-культурный контекст сравниваемых выборок

Студенты МГУ им. М.В. Ломоносова в Москве и в Баку обучаются по одним и тем же образовательным программам на русском языке, процесс обучения студентов в обеих группах можно считать сходным. Однако формирование личностных особенностей задается культурными образцами и ценностями, социальными представлениями, которые различаются у представителей Азербайджана и России.

Существуют различия в выраженности ТН и ИТ у студентов рассматриваемых культурных групп [15]. Ориентация на результат выражена в большей степени у азербайджанских студентов; российские студенты считают себя более успешными в обучении. ТН выше среди российских студентов, а ИТН – у азербайджанских студентов мужского пола (среди подгрупп женщин различий по ИТН нет).

Целью исследования стало выявление кросс-культурных различий в связях между толерантностью и интолерантностью к неопределенности, ИТ интеллекта и личности, когнитивными стратегиями и настойчивостью в решении творческой задачи у азербайджанских и российских студентов.

Гипотезы исследования:

1. Существуют различия в стратегиях решения творческой задачи у азербайджанских и российских студентов;

2. Проявление настойчивости при решении творческой задачи по-разному связано с показателями по шкалам опросников ИТ и ТН в азербайджанской и российской выборках.

Методы

Выборка

В исследовании на добровольной основе приняли участие студенты (N=54) разных факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова в Баку (n=28; 50% девушки; M=19 лет, SD=0,9) и Москве (n=26; 69% девушки; M= 22 г., SD= 2,6).

Методика

Испытуемые решали задачу из класса малых творческих задач о «ростовщике и камушках» методом «мышления вслух» [2]. Фиксировались время решения и количество предложенных способов решения, которые операционализируют настойчивость в решении задачи. Для выявления когнитивных стратегий решения проводился анализ верbalных протоколов.

Для диагностики личностных характеристик применялись методики:

1. Опросник имплицитных теорий Двек – Смирнова [4];
2. Опросник толерантности к неопределенности С. Баднера [5].

Оба опросника апробированы на азербайджанской студенческой выборке [15], что позволяет делать вывод о кросскультурной эквивалентности методик.

Результаты

1. Среди азербайджанских студентов больше тех, кто правильно решил задачу ($U=183$, $p < 0,001$).
2. Группы, выделенные по медианам шкал опросников, различаются только по шкале ИТН ($M=29$ у азербайджанских студентов и $M=23,5$ и российских).

Таблица 1

Матрица интеркорреляций по шкалам опросников (ρ -коэффициент Спирмена)

	ИТИ	ИТЛ	ПЦ	СО	ТН	ИТН
ИТИ	-	0,433*/ 0,569**	-0,087/ 0,183	0,084/ 0,104	0,121/ -0,113	-0,432*/ 0,058
ИТЛ		-	-0,378*/ ,099	-0,187/ 0,277	-0,096/ -0,130	-0,020/ -0,005
ПЦ			-	0,437*/ 0,610**	0,238/ 0,177	-0,276/ -0,215
СО				-	0,365 (p=0,062)/ -0,091	-0,257/ 0,075
ТН					-	-0,232/ -0,715**

Примечания. В таблице представлены значения для азербайджанских студентов (слева от знака «/») и российских студентов (справа от знака «/»). Уровень значимости различий: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$. ИТИ – ИТ интеллекта, ИТЛ – ИТ личности, ПЦ – принятие целей обучения, СО – самооценка обучения.

Представления о приращаемом интеллекте и развивающейся личности в обеих выборках имеют значимую прямую связь (см. Табл. 1). В азербайджанской выборке студенты с ИТ приращаемого интеллекта, характеризуются снижением интолерантности

к неопределенности, а студенты с ИТ развивающейся личности ориентированы на цели достижения результата.

Для обеих групп выявлена положительная связь между ориентацией на повышение мастерства и самооценкой обучения (СО).

Анализ протоколов решения задач

Выделены стратегии решения задачи, отличавшиеся по направленности конечной цели: а) честные (указание ростовщику на подлог, переигрывание ситуации, отстаивание справедливости договора и др.); б) нечестные (обман, подлог / покраска камня и др.); в) агрессивные (убийство ростовщика / нанесение увечий); г) смирение (выйти замуж, ожидать смерти ростовщика); д) побег (физический выход из ситуации); е) поиск решений за пределами условий задачи (занять денег, найти другого человека, который женится на девушке и выплатит долг, пригласить эксперта для оценки цвета камней и др.).

Азербайджанские студенты чаще, чем российские, используют честные ($U=243$, $p < 0,05$) и нечестные ($U=179,5$, $p < 0,01$) стратегии разрешения ситуации, а российские – чаще применяют стратегию поиска решения за пределами условий задачи ($U=230$, $p < 0,01$). Результат позволяет принять гипотезу 1. У азербайджанских студентов большее количество вариантов решения ($U=255$, $p < 0,05$), но время решения значимо не отличается от группы российских студентов.

3. Далее по каждой из шкал опросников проведено медианное расщепление групп на подгруппы с большей и меньшей выраженностью личностного свойства.

Шкала ИТ интеллекта. Азербайджанские студенты с выраженной константной ИТ интеллекта проявляют большую настойчивость в решении задачи (для времени $p < 0,05$, для количества вариантов решения $p < 0,001$), по сравнению с теми, у кого выражена ИТ приращения, а также демонстрируют большее количество «нечестных» и

«честных» стратегий ($p < 0,01$ для обоих показателей). Среди российских студентов по подгруппам с разными ИТ интеллекта различий не обнаружено. Результат свидетельствует в пользу гипотезы 2.

Шкала ИТ личности. У азербайджанских студентов с ИТ обогащаемой личности выражена ориентация на результат ($p < 0,05$) и они предлагают меньшее число решений ($p < 0,01$), меньшее количество стратегий «честного» разрешения ситуации ($p < 0,01$), в отличие от студентов своей культурной группы с константной ИТ. У российских студентов различий по подгруппам нет.

Принятие целей обучения и СО. Различия по этим шкалам обнаружены только для российских студентов: в подгруппе с высокими СО выражена целевая ориентация на повышение мастерства ($p < 0,05$), больше среднее время решения задачи ($p < 0,01$).

Шкалы отношения к неопределенности. По ТН различий по подгруппам не обнаружено. У азербайджанских студентов с низкой ИТН выражена ИТ обогащаемой личности ($p < 0,01$), у российских студентов с высокой ИТН – большее количество решений задачи ($p < 0,05$).

Обсуждение результатов

Азербайджанские студенты оказались более успешными в решении творческой задачи, чем российские. Возможно, этот результат связан с эффектом экспериментатора – в Баку и в Москве исследование проводили разные экспериментаторы. Другим возможным объяснением могут быть сравнительно большие творческие способности азербайджанских студентов в силу билингвистичности культуры Азербайджана. Ряд исследований

демонстрирует большую успешность в решении творческих задачи среди тех, кто принадлежит к билингвистичным (vs монолингвистичным) культурам [14; 18].

Получены данные в пользу гипотезы 1. Критерием разрешения ситуации неопределенности в азербайджанской выборке выступила «честность – нечестность» исхода, что согласуется с данными о коллективистическом характере азербайджанской культуры, где социальные отношения являются значимой детерминантой выбора. В российской выборке чаще применялась стратегия «поиска за пределами ситуации». Это может указывать на воздействование более широкого диапазона представлений о возможных направлениях разрешения ситуации неопределенности. Кроме того, частота этой стратегии может рассматриваться как проявление ИТН – количество предложенных вариантов выше, в том числе в подгруппе с высокой ИТН. Стратегия «поиска за пределами ситуации», вероятно, позволяет снизить неопределенность, заданную условиями задачи, ведь если находится какое-то внешнее средство, регулирующее ситуацию и «снимающее» некоторые ограничения, введенные условиями задачи, вроде бы и само разрешение ситуации тоже находится.

Гипотеза 2 о межгрупповых различиях в связях личностных свойств и настойчивости в решении задачи также может быть принята. Время решения задачи значимо не отличалось в двух группах, а количество предлагаемых вариантов решения больше в азербайджанской выборке. Этот результат косвенно может свидетельствовать о большей креативности этой группы, поскольку беглость (количество

решений в единицу времени) является одним из показателей креативного мышления.

Настойчивость в решении задачи в азербайджанской выборке оказалась выше среди студентов с ИТ «константного интеллекта» и ниже среди студентов с ИТ «неизменяемой личности». Можно предположить, что студенты с константой ИТ через настойчивость в решении проявляют тенденцию к демонстрации высокого уровня этой способности. Среди российских студентов настойчивость в решении проявили студенты с высокими самооценками обучения, а также те, у кого выше ИТН. Возможно, студенты с высокими самооценками обучения тщательно и с интересом подходят к подобным ситуациям неопределенных задач, требующих их участия в разрешении (у них также выражена ориентация на повышение мастерства).

Выводы

1. Азербайджанские студенты оказались более успешными в решении творческой задачи, чем российские студенты.
2. Настойчивость в решении творческой задачи у азербайджанских студентов связана с константными имплицитными теориями интеллекта и личности, у российских студентов – с высокими самооценками успешности в обучении.
3. Азербайджанские студенты осуществляют целевую направленность поиска разрешения ситуации через шкалы «честности – нечестности», российские студенты чаще применяют стратегию «поиска за пределами ситуации».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Двек К. Гибкое сознание: новый взгляд на психологию развития взрослых и детей; пер. с англ. С. Кировой. М., 2013. 400 с.
2. «Искусственный интеллект» и психология / под ред. О.К. Тихомирова. М., 1976. 332 с.
3. Корнилова Т.В. Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностной регуляции решений и выборов // Психологический журнал. 2013. № 34(3). С. 89–100.
4. Модификация опросника имплицитных теорий К. Двек (в контексте изучения академических достижений студентов) / Т.В. Корнилова и др. // Психологический журнал. 2008. № 29(3). С. 106–120.
5. Корнилова Т.В., Чумакова М.А. Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера // Экспериментальная психология. 2014. № 1. С. 24–36.
6. Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Толерантность к неопределенности и креативность у преподавателей и студентов // Вопросы психологии. 2012. № 2. С. 1–10.
7. Марцинковская Т.Д. Социальная и эстетическая парадигмы в методологии современной психологии [Электронный ресурс] // Психологические исследования: [сайт]. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n37/1046-martsinkovskaya37.html> (дата обращения: 30.03.2016).
8. Павлова Е.М. Имплицитные теории и самооценка креативности в структуре самосознания личности // Психология. Журнал Высшей Школы экономики. 2014. Т. 11. № 4. С. 75–95.
9. Стернберг Р. Практический интеллект. СПб., 2002. 272 с.
10. Mind-sets matter: A meta-analytic review of implicit theories and self-regulation / J.L. Burnette and oth. // Psychological Bulletin, 2013. № 139(3). P. 655–701.
11. Furnham A. Lay theories: Everyday understanding of problems in the social sciences. N.Y., 1988.
12. Heine, S. J., Raineri, A. Self-improving motivations and culture: The case of Chileans// Journal of Cross-Cultural Psychology. 2009. № 40. P. 158–163.
13. Divergent motivational consequences of success and failure in Japan and North America / S.J. Heine and oth. // Journal of Personality and Social Psychology. 2001. № 81. P. 599–615.
14. Kharkhurin A.V. Multilingual matters. Bristol, Buffalo, Toronto, 2012. 240 p.
15. Implicit Theories of Intelligence and Personality, Attitudes towards Uncertainty, and Academic Achievement in College Students: cross-cultural study / T.V. Kornilova and oth. // In: The 3-rd International Academic Conference on Social Sciences. IACSS 2015 (Стамбул, 24–25 апреля 2015 г.). Conference Proceedings. Batumi, 2015. С. 189–202.
16. Eastern and Western perceptions of causality for social behavior: Lay theories about personalities and situations / A. Norenzayan and oth., ed. by D.A. Prentice, D.T. Miller // Cultural divides: Understanding and overcoming group conflict, New York: Sage, 1999. P. 239–272.
17. Can everyone become highly intelligent? Cultural differences in and societal consequences of beliefs about the universal potential for intelligence / A. Rattan and oth. // Journal of Personality and Social Psychology. 2012. № 103. P. 787–803.
18. The Handbook of Bilingual and Multilingual Education / W.E. Wright and oth. Wiley-Blackwell, 2015. 688 p.

REFERENCES

1. Dweck K. Gibkoe soznanie: novyi vzglyad na psikhologiyu razvitiya vzroslykh i detei; per. s angl. S. Kirovoi [Flexible Mind: a New Look at the Development of Adults and Children. Translated from English. S. Kirova]. M., 2013. 400 p.

2. «Iskusstvennyi intellekt» i psikhologiya [“Artificial Intelligence” and Psychology]. M., 1976. 332 c.
3. Kornilova T.V. Psikhologiya neopredelennosti: edinstvo intellektual'no-lichnostnoi reguljatsii reshenii i vyborov [Psychology of Uncertainty: the Unity of Intellectual-Personality Regulation in Decisions and Choices] // Psikhologicheskii zhurnal. 2013, no. 34(3), pp. 89–100.
4. Modifikatsiya oprosnika implitsitnykh teorii K. Dvek (v kontekste izucheniya akademicheskikh dostizhenii studentov) [Modification of the Questionnaire Of implicit Theories, Dweck K. (in the Context of A study of Academic Achievements of Students)] / Kornilova T.V. i dr. // Psikhologicheskii zhurnal. 2008, no. 29(3), pp. 106–120.
5. Kornilova T.V., Chumakova M.A. Shkaly tolerantnosti i intolerantnosti k neopredelennosti v modifikatsii oprosnika S. Badnera [The Scale of Tolerance Intolerance of Ambiguity in the Modification of the Questionnaire by S. Badnera] // Eksperimental'naya psikhologiya. 2014, no. 1, pp. 24–36.
6. Kornilova T.V., Smirnov S.D. Tolerantnost' k neopredelennosti i kreativnost' u prepodavatelei i studentov [Tolerance for the Ambiguity and Creativity among Teachers and Students] // Voprosy psikhologii. 2012, no. 2, pp. 1–10.
7. Martsinkovskaya T.D. Sotsial'naya i esteticheskaya paradigmy v metodologii sovremennoi psikhologii [Elektronnyi resurs] [Social and Aesthetic Paradigms in the Methodology of Modern Psychology [Electronic Source]] Psikhologicheskie issledovaniya: [Psychological research] [site]. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n37/1046-martsinkovskaya37.html> (request date 30.03.2016)
8. Pavlova E.M. Implitsitnye teorii i samootsenka kreativnosti v strukture samosoznaniya lichnosti [Implicit Theories and Self-Assessment of Creativity in the Structure of Self-Consciousness] // Psikhologiya. Zhurnal Vysshei Shkoly ekonomii. 2014, no. Vol. 11, № 4, pp. 75–95.
9. Sternberg R. Prakticheskii intellekt [Practical Intelligence]. SPb., 2002. 272 p.
10. Mind-sets matter: A meta-analytic review of implicit theories and self-regulation / J.L. Burnette and oth. // Psychological Bulletin. 2013. № 139(3). P. 655–701.
11. Furnham A. Lay theories: Everyday understanding of problems in the social sciences. N.Y., 1988.
12. Heine, S. J., Raineri, A. Self-improving motivations and culture: The case of Chileans// Journal of Cross-Cultural Psychology. 2009. № 40. P. 158–163.
13. Divergent motivational consequences of success and failure in Japan and North America / S.J. Heine and oth. // Journal of Personality and Social Psychology. 2001. № 81. P. 599–615.
14. Kharkhurin A.V. Multilingual matters. Bristol, Buffalo, Toronto, 2012. 240 p.
15. Implicit Theories of Intelligence and Personality, Attitudes towards Uncertainty, and Academic Achievement in College Students: cross-cultural study / T.V. Kornilova and oth. // In: The 3-rd International Academic Conference on Social Sciences. IACSS 2015 (Стамбул, 24–25 апреля 2015 г.). Conference Proceedings. Batumi, 2015. C. 189–202.
16. Eastern and Western perceptions of causality for social behavior: Lay theories about personalities and situations / A. Norenzayan and oth., ed. by D.A. Prentice, D.T. Miller // Cultural divides: Understanding and overcoming group conflict, New York: Sage, 1999. P. 239–272.
17. Can everyone become highly intelligent? Cultural differences in and societal consequences of beliefs about the universal potential for intelligence / A. Rattan and oth. // Journal of Personality and Social Psychology. 2012. № 103. P. 787–803.
18. The Handbook of Bilingual and Multilingual Education / W.E. Wright and oth. Wiley-Blackwell, 2015. 688 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Зиренко Мария Сергеевна – аспирант кафедры общей психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
e-mail: mzirenko@inbox.ru

Исмаилова Аян Мобиль – магистрант кафедры развития Бакинского филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
e-mail: ian-i09@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zirenko Maria S. – Post-Graduate Student of the Department of General Psychology, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: mzirenko@inbox.ru

Ismailova Ayan M. – Post-Graduate Student of the Department of Development, Baku Branch of Lomonosov Moscow State University;
e-mail: ian-i09@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Зиренко М.С., Исмаилова А.М. Кросс-культурное сопоставление личностных и когнитивных структур при решении творческой задачи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 4. С. 6–14.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-4-6-14

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

M. Zirenko, A. Ismailova. Cross-cultural Comparison of Personality and Cognitive Structures in Creative Problem Solving // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychology. 2016. no 4. pp. 6–14.

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-4-6-14